

Галина Соснина,

учитель.

Член Свободненского литобъединения с 1998 года. Автор трех книг: одна — стихи, две другие — документальная проза.

Там, где живет любовь

Неистово дул ветер, затихая на несколько минут и вновь беснуясь.

Сергей Яровой, веселый, статный, молодой мужчина с крепкой грудью и копной русых волос, был человеком спокойным, надежным. С людьми сходилась легко. Никогда не унывал. Но сегодня он сидел, опустив голову, в глубокой задумчивости, вспоминая события того яростного боя...

Били пулеметы, выпуская очередь за очередью. Блестели азартом глаза бойцов, на худых, небритых щеках проступил румянец. Дмитрий Белозеров и Михаил Кучеренко, друзья по оружию, стреляли остервенело, выкрикивая: «Так! Так вас, гадов!» Для них постоянный риск — обычное дело, хотя командир учил: «Надо знать тактику врага, определять его слабое место. Тогда и ударить по нему. Но не только победить врага, а и самим не допустить потерь».

Сергею нравился Белозеров, нравилось его умение держаться в любой ситуации, быстро оценивать обстановку, принимать верное решение.

Воздух гудел и стонал. Фашисты наседали. Сергей видел, как падали товарищи, понимал, что на войне не обойтись без жертв, но очень уж не хотелось верить в поражение.

Внезапно правую руку обожгла пуля, другая полоснула по лицу. Перед глазами замелькали цветные мошки. Он провел по ним рукой и увидел падающего Белозерова, сраженного осколком...

— Димка! — заорал он. — Димка, держись!

Мысль еще работала, пытаюсь оформиться до конца, но приступ новой боли сковал сердце — на левой руке оторвало три пальца. Кровь хлынула тугой струей. Теряя сознание, Сергей верил, что победа обязательно придет и в этом будет и его заслуга.

Сколько пролежал без сознания одному Богу ведомо, а когда пришел в себя, услышал немецкую речь. Что-то оборвалось в груди. Плен?..

А Марийка писала, что тоскует, ждет, работает на фронт. Эта девушка из семьи строгих правил покорила Сергея при первой же встрече. В ней присутствовали одновременно и лихость, и детскость. В ее доме он был всего один раз, перед отправкой на фронт. Марийка познакомила его со своими родителями, пригласила в небольшую уютную комнатку. Сверкали белизной занавески на окнах, пикейное покрывало и подзор на железной кровати с никелированными спинками. В простенке между окнами стоял простенький комод под выбитым накомодником. А гора подушек на кровати, мал мала меньше, делала комнатку удивительно милой. На табурете рядом с комодом Сергей увидел баян. Поймав его взгляд, Марийка улыбнулась:

— Это папин, старенький уже.

Сергей повернул голову и заметил хитрые чертики в ее глазах. Чувствовалось, что смущение и желание быть раскованнее смешались в ней. Она нежно дотронулась до его руки, заглянула ему в глаза, тихо сказала: «Здесь будет жить наша любовь. Ты только обязательно вернись. Я буду очень ждать». Сергей почувствовал себя самым счастливым человеком на свете, и руки сами потянулись к баяну. Марийка уселась поудобнее напротив гостя и подхватила его песню — «Любимый город может спать спокойно...»

Заныла душа, запросилась на Родину, к милой Марийке. Он не допускал и мысли, что немцы займут нашу землю.

За полгода, что Сергей провел в плену, было столько всего, что и в десятилетие не вместится. Дважды он совершал побег, и дважды его ловили. Собаки рвали его тело — не было живого места на нем — одни шрамы. А душевные раны, сколько их было! Об одном просил он бога: чтобы нервы выдержали, не лопнули. Когда его с товарищами схватили, согнали всех жителей деревни к сельсовету: стариков, женщин, детей. В потрепанных куцых пальтишках, старенькой обуви не по погоде, переминались с ноги на ногу дети. От мороза и холодного ветра их носики и губы посинели, зубы выбивали дрожь. Но их печальные глаза смотрели строго, по-взрослому, на пленных. Фашистов будто не замечали. Немецкий офицер вынес красное знамя, бросил пленным под ноги и приказал топтать его. Губы детей задрожали. Все пленные словно по команде выпрямились перед стягом. В злобе фашисты стали избивать их прикладами винтовок. Стиснув зубы, окровавленные, они стояли с высоко поднятыми головами. Гитлеровцы пустили автоматную очередь по сельским жителям, расстреляли в упор нескольких пленных.

Тогда-то Сергей Яровой и стал седым, совершенно седым в свои 25.

На допросах от пленных требовали назвать своих командиров,

коммунистов. И снова били.

Ночью Сергей решился бежать с двумя товарищами.

Шел снег. Сухой и легкий, он припорошил и приукрасил израненную землю, овеял ее морозно-благодатным дыханием. Оказавшись на воле, беглецы ошалели от праздничной белизны, покоя в природе, несущих духовное умиротворение. Сергей раскинул руки, согнул в коленях ноги, словно приготовился схватить в охапку всю землю. Была погоня, и снова он оказался в числе смертников. Измученных и истерзанных, их перегоняли в новый лагерь. Голодные, полуживые, они плечами поддерживали друг друга. Фашисты, уверенные в том, что пленные уже не способны бежать, оставили около них гитлеровца с автоматом, а сами решили позабавиться в одной из хат...

Вдруг один из пленных бросился на фашиста, повалил его:

— Братцы, бегите!

Откуда силы взялись! Не помня себя, пленные бросились в густой лес, ставший их спасителем...

Долгими дорогами войны шел к победе Сергей Яровой уже в штрафном батальоне. А Марийка, не получавшая писем от друга, никого в свою жизнь не впускала. Она знала, что у Сергея нет родных, один-одинешенек на всем белом свете. Значит, ей одной хранить память о нем всю жизнь. Печаль поглотила ее веселую улыбку, щемящая боль сжимала сердце, и ей порой казалось, что она — это не она, а постаревшая от горя вдова...

В Тайгу Яровой приехал только в 46-м году. Он быстрым шагом прошел от железнодорожной станции до улицы Карла Маркса. Вот и знакомый дом с дощатой калиткой. В окнах темно. Душа затрепетала от предчувствия встречи с любимой. Какой она будет? А если Марийка уже не ждет его? Осторожно постучал щеколдой. Скрипнула дверь в сенцах, и девичий голос спросил: «Кто там?»

— Гражданка, не подскажите, где живет моя любовь? — произнес поздний гость.

Марийка ойкнула.

— Сережка! Живой! Милый!

Руки не слушались, открывая калитку. Потом, смутившись от наплыва острых ощущений, уткнулась лицом в пропахшую пороховом и махоркой шинель Сергея.

— Я почти потеряла надежду дождаться тебя. — Взяла его за руку и повела через крыльцо в сенцы, в дом, приговаривая:

— Темно вот только. Темно... Керосином уже неделю не торгуют...

«Хорошо, что темно, не сразу разглядит мои шрамы», — подумал Сергей.

А на следующий день все родные Марийки потупили взоры. От

прежнего красивого, статного юноши мало что осталось. Он будто усох, стал похож на высокое старое дерево. Седые волосы и шрамы на лице страшили. Одна Марийка чувствовала себя счастливой, вроде бы не замечая никаких перемен.

Спустя неделю-другую молодые задержались около соседней усадьбы, где жили Орловы. Хозяин дома крепкого телосложения мужик чинил калитку, опираясь на костыли. На левой культе ноги болталась пустая штанина, край которой был заправлен под ремень выгоревшей гимнастерки. Полная, румяная женщина, увидев молодую соседку, вышла ей навстречу:

— Мой-то орел уж как настрадался. Фриц поганый перебил ему крылья. За десятерых пострадал, а ему вишь...

Марийка метнула взгляд на пыльную дорогу. Иван Алкин, ее одноклассник с соседней улицы, совсем без ног, он пристегнут ремнями к инвалидной тележке, медленно катился в сторону своего дома. Сильные руки в перчатках раз за разом упирались в землю, передвигая тележку с туловищем. Пот градом катился по его красному от напряжения лицу. Орлова скривилась в злорадной ухмылке, взглядом указывая на инвалида:

— Пьяница. Небось и не воевал, с первого дня войны в госпитале валялся.

Марийка не стерпела:

— Грех берете на душу! На войне всем досталось. — Голос задрожал, и девушка промолвила с состраданием:

— Он ведь не пил до войны. Я знаю. А как потерял братьев и друзей на фронте... Да еще жена гулять стала. Зря вы черните людей. Зря...

Соседка не унималась:

— А твой-то хоть воевал? Вижу, целехонек возвернулся: руки, ноги целы. Везет же людям!

Махнула сокрушенно рукой и заспешила к калитке.

Марийка проводила ее долгим взглядом, скорее грустным, чем осуждающим. Протянула Сергею руку, тихо сказала:

— Жалко ее...

